ПИОНЕРЫ ~ ГЕРОИ

ЛАРА МИХЕЕНКО

Н. НАДЕЖДИНА

ЛАРА МИХЕЕНКО

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАЛЫШ» •МОСКВА• 1982

Жила в городе Ленинграде, в рабочем районе на Выборгской стороне, пионерка Лара Михеенко.

Она любила одуванчики — самые простые цветы городского пустыря. Тяжело болея скарлатиной, Лара сказала матери:

— Мама, чего ты плачешь? Боишься, что я умру? А я стану пуховочкой одуванчика и буду летать по всему свету, к тебе прилечу, и ты вспомнишь меня.

Она любила и лепестки одуванчиков, яркие, как солнце. Казалось, что золотистые искры вспыхивают в её карих глазах, в кудрявых каштановых волосах.

Чуткая, отзывчивая, она всегда была готова прийти на помощь. Одно время семья Михеенко жила за городом в Лахте. Как-то зимой мать Лары, Татьяна Андреевна, должна была поздно вернуться, а встретить её было некому, отец уехал в Дом отдыха. Мама пожаловалась, что боится, и четырёхлетняя Лара запомнила её слова.

Малышка пристала к бабушке:

— Покажи, где будут стрелки часиков, когда вернётся мама?

Бабушка показала цифру 12. Пришло время ложиться спать: бабушка уснула, но девочка не закрывала глаз. Когда стрелки приблизились к двенадцати, она встала, напялила на себя шубку, обмоталась бабушкиным платком и, петляя между сугробами, пошла ночью на станцию встречать маму.

— Мама! Ты сказала, что боишься, а я не боюсь!

Ко всему живому она относилась по-доброму. Ставила возле крыльца для беспризорных кошек блюдечко с молоком.

Однажды она пришла домой, покусанная неизвестной собакой.

— Придётся делать прививки! — заволновалась мама. — Как это случилось? До сих пор ни одна собака не трогала тебя.

— Но это была больной собака, — ответила малышка. — Я хотела отвести её в аптеку, чтоб ему перевязали раненый хвост.

Лара была озорная, весёлая, быстрая. Как рыба, плавала в море, как белка, лазила по деревьям, бегала с мальчишками наперегонки. Вместе с подружкой Лидой Тёткиной записалась в балетный кружок. Хотела стать балериной и ещё историком. Книги читала запоем.

После того как Лара записалась в три библиотеки, маме пришлось писать библиотекарям записки:

«Прошу вас больше не выдавать книг моей дочери, ученице 106-й школы Ларисе Михеенко. Ей дня мало, читает по ночам».

Иногда мать или отец брали её с собой в кино. Однажды они смотрели фильм из времён Гражданской войны. В избушку к леснику врываются белогвардейцы и требуют, чтоб он стал их проводником. А он, бросая гранату, взрывает врагов и себя. Когда полотно экрана застлал дым взрыва, на весь зал раздался взволнованный голос Лары:

— Правильно! Я бы тоже сделала так!

В своём пионерском отряде она была звеньевой. Ребята сдружились, даже в школу ходили вместе, гурьбой. Чуть ли ни каждый день в комнате у Михеенко слышались детские голоса — то Лара занимается с кем-нибудь из отстающих, то учит подружек танцевать и играть на гитаре, то советуется с мальчишками, как лучше провести военную игру.

К лету всё затихало. Бабушка с Ларой уезжали отдыхать.

Летом 1941 года бабушка с внучкой поехали к родным в деревню Печенево. Тогда это была Калининская, а теперь Псковская область, Пустошенский район. Здесь, в Печеневе, их и застала война.

В самом начале войны в Ленинград ещё успело дойти письмо:

«Мамочка, дорогая! Очень тебя люблю и скучаю, но дорогу разбомбило, проехать нельзя. Я бы могла пешком, но бабушка не дойдёт. А я не оставлю бабушку».

Больше писем от Лары не было. В это же лето Пустошенский район заняли гитлеровские войска.

Девочка видела, как по просёлочным дорогам брели беженцы из сожжённых немцами деревень. У Лары сжималось сердце, но она ничем не могла им помочь — у неё самой лицо стало прозрачным от голода.

Она слышала плач деревенских девушек, которых разлучали с родными, увозили в рабство на чужбину. Видела, как повели на казнь учителя из деревни Тимоново Синицына Николая Максимовича и его дочку, тоже учительницу. Они не сдали немцам радиоприёмник и продолжали слушать Москву. Синицыных расстреляли на окраине Пустоши, где уже было расстреляно много советских людей.

«Разве можно это забыть? Разве можно это простить?» — так думала и Лара, и её печеневские подружки Рая Михеенко и Фрося Кондруненко.

Весной 1943 года на деревенской сходке прочитали список, кому из молодёжи явиться в лагерь для отправки в Германию. Все три подружки были в списке. На сборы полагался один день.

* * *

Последний вечер Лара с бабушкой долго не ложились спать. Они сидели на дворе перед банькой, в которой жили, тесно прижавшись

друг к другу. Бабушка крепко держала внучку за руку, словно боялась, что если она выпустит Ларину руку, девочку тут же уведут. Лицо бабушки было мокро от слёз.

— Дай погляжу на тебя в последний раз, лапушка!

— Не надо так говорить. Я не хочу, чтоб в последний. Ты знаешь, как я тебя люблю.

Когда совсем стемнело, они вернулись в свою избушку и там говорили друг другу ласковые и грустные слова. Наконец бабушка уснула. Девочка осторожно подошла к спящей и прошептала:

— Прощай, милая бабушка! Я не виновата, что тебя оставляю. Это враги разлучили нас. Они не угонят меня в Германию. Пионерка не будет служить фашистам! Я ухожу воевать.

В темноте смутно белел платок, которым бабушка повязывала на ночь голову. Девочка покивала этому платку и бесшумно вылезла в окно.

Так в одну весеннюю ночь из деревни Печенево исчезли три девочки. Они решили стать партизанами, как и Петя, Фросин брат.

На рассвете беглянки встретили в лесу приятеля Пети, знакомого парня, он стал их проводником. Озеро Язно как бы служило границей: по одну сторону озера — земля, захваченная фашистами, по другую сторону — партизанский край.

В спрятавшейся среди лесов деревне Кривицы стоял штаб 6-й Калининской бригады майора Рындина. Трёх девочек — двух беленьких и одну темноволосую — привели в штабную избу.

Как огорчилась Лара, услышав от командира бригады, что в четырнадцать лет в партизаны не берут.

Но он отказал и её подружкам, хотя Рае было шестнадцать, а Фросе пятнадцать лет. Он не верил, что девочки смогут работать разведчицами: возможно, что местность они узнают, но силёнок не хватит, а партизанский разведчик всё время находится в пути.

Тут в штабную избу вошли ещё двое партизан, и девочки были забыты. Стоя в сторонке, они внимательно прислушивались к разговору, который вели между собой комбриг, командир одного из отрядов Карпенко и начальник разведки Котляров.

Они говорили о деревне Орехово, куда немцы согнали крестьянский скот. Карпенко брался отбить у грабителей их добычу, но для этого ему нужно было знать, где в Орехове расположены немецкие орудия, где расставлены часовые. А послать в разведку, как доложил Котляров, было некого: все девушки-разведчицы на заданиях, а парню не пройти. В военное время каждый мужчина на счету. Чужого узнают сразу.

— Так у меня же есть тётя в Орехове! — Это сказала Рая.

— Одной не справиться, — сказал Котляров, — надо идти вдвоём. А если вас спросят, почему именно сейчас вы решили навестить свою тётю? Что вы на это ответите?

— Скажем, что за семенами, — быстро нашлась Лара. — Сейчас все на огородах садят, и мы хотим садить.

«Хоть ты всех моложе, а смышлёная!» — подумал Котляров. Он посмотрел на командира бригады, и тот кивнул головой.

Заходило солнце, когда начальник разведки на вороном коне подъехал к озеру Язно. Переправу день и ночь охраняли часовые. На плот мог попасть только тот, кто знал пароль. Может, девочки забыли пароль? Может, девочек задержали? Почему их нет?

Котляров раздвинул ветки ивняка и увидел, что по озеру движется плот. Позади перевозчика, ёжась от ветра, стояли Лара и Рая. Разведчицы вернулись! Котляров встретил их у причала.

Они прошли по берегу несколько шагов и остановились. Рая высыпала из платка семена: свёклу, бобы, горох... А Лара провела прутиком длинную черту.

Котляров нахмурился: их в штабе ждут, а они играются...

Но рядом с первой чертой Лара провела другую, получилась дорожка. Котляров понял: дорожка — это деревенская улица, а квадратики по обе её стороны — это дома.

— Горошина будет часовой, — Лара положила горошину в конце дорожки. — И ещё здесь и здесь стоят часовые. Тыквенное семечко будет пушка. Она вот за этим домом. А бобы — пулемёты. Видите, где я их кладу?

Начальник разведки вынул из полевой сумки карандаш и бумагу и стал перерисовывать план.

В этот весенний вечер решилась судьба Лары и её подружек. Партизаны приняли их в свою боевую семью.

Теперь домом для Лары стала изба разведчиков, где спали по-походному, не раздеваясь, чтоб вскочить сразу же, как только позовут. В этом доме надо забыть детские капризные слова: «не хочу!», «не могу!», «не буду!». Здесь знали только одно слово: «нужно». Нужно для Родины, для победы над врагом.

Нужно разведать расположение орудий в деревне Могильное. Три девочки стучатся в дверь избы:

— Дорогая тётенька! Пустите переночевать беженцев...

Вечером «беженки» носятся по деревне, играя в салки с хозяйскими детьми. Одна из «беженок», кудрявая, темноглазая, всё норовит прошмыгнуть мимо замаскированных орудий.

— Тю-тю! — прикрикивает на неё немецкий часовой.

— Тю-тю! — весело отвечает хитрая девочка.

И часовой отворачивается.

Нужно разведать, какие немецкие поезда и с каким грузом приходят

на станцию Пустошка. За поездами из окошка своего дома наблюдает старик Гультяев, незаметно ведёт подсчёт.

Но Гультяеву не верится, что партизаны могли прислать к нему в качестве связного девочку. Старик молчит, угрюмо перебирая слесарный инструмент. И вдруг девочка, наклонившись, тоже начинает рыться в ящике.

— Это рашпиль, это сверло. А где у вас штангенциркуль?

— Да откуда ты это слово знаешь: «штанген»?

— От папы. Он был слесарем на заводе «Красная заря» в Ленинграде. Моего папу убили в финскую войну.

— Голубушка! Чего же ты сразу не сказала, что ты наша рабочая косточка, слесарева дочь?

Нужно разведать, какие немецкие машины движутся по большаку Идрица — Пустошка. И девочка нанимается в няньки в деревне Луги, поближе к большаку. Семья Антона Кравцова довольна нянькой. Уж такая усердная, уж такая учёная! Песни поёт, сказки сказывает, не ленится гулять с малышом в поле. Говорит: «Там воздух чище, а ребёнку нужен кислород!»

Если бы видели Кравцовы, что делает в поле их учёная нянька! Лёжа в густой траве, она незаметно зарисовывает оленей и тигров — опознавательные знаки немецких машин.

Кем только не приходилось быть девочке: и беженкой, и нянькой, и пастушкой, и даже... кукушкой: сидеть на дереве, подавать партизанам сигнал. Если на дороге показался мотоцикл — «кукушка» кукует протяжно и медленно, если подвода — «кукушка» кукует отрывисто, скороговоркой. Сколько раз повторит своё «ку-ку!» партизанская кукушка, столько, значит, движется по дороге машин или подвод.

* * *

Очень часто девочке приходилось быть нищенкой. В то время много голодных ребят просило под окнами:

— Подайте хлебушка, добрые люди! Подайте сироте!

Эти же слова повторяла кареглазая нищенка в деревне Сельцы перед домом Ивана Сморыги. Для партизан это был свой человек. Чтоб добыть нужные партизанам сведения, он поддерживал знакомство с полицаями.

И сейчас два немецких изрядно выпивших солдата и два полицая сидели у него за столом. Пожилой полицай первым заметил нищенку.

— Иван! К тебе гостья. Да какая хорошенькая!

Сморыга быстро взглянул в окно.

— Ты что смеёшься надо мной? Это же нищенка, попрошайка. Надо поскорей её отправить, как бы не украла чего.

Сморыга вышел на крыльцо и бросил в Ларину сумку несколько хлебных корок. Нищенка поклонилась.

— Спасибо, дяденька! Дай бог тебе здоровья.

Глаза девочки блеснули. Она успела расслышать шёпот Сморыги: «Приходи вечером, сейчас ко мне нельзя».

Вечером в дверь раздался условный стук. Маленькая нищенка проскользнула в избу и уселась у печки.

— Была в Чернецове? — спросил Сморыга.

— Была, дядя Ваня. Как немцы запоганили школу, устроили там казарму! Я всё высмотрела: где у них стоит пулемёт, на какую сторону выходят двери и окна. А вот когда сменяются часовые, я не смогла проследить.

— Часовые заступают на пост вечером, в восемь часов, — сказал Сморыга, — и меняются через два часа. Немец проболтался спьяну.

Через два дня отряд Карпенко, проводниками которого были Лара и дядя Ваня Сморыга, незаметно окружил чернецовскую школу. Застигнутый врасплох, немецкий гарнизон был уничтожен.

* * *

И в Усть-Долыссах появилась кудрявая девочка-нищенка.

— Беги! — кричали мальчишки, увидев, что нищенку задержали два полицая. — Они тебя не догонят, беги!

Но она не убежала, а покорно последовала за полицаями. Никто не видел, как в укромном месте полицаи передали нищенке пачку писем.

— Какие вы молодцы, Коля и Вася! — сказала девочка.

Ведь она знала, что Коля Шарковский и Вася Новак нарочно поступили в полицаи, чтоб помогать партизанам. Письма, которые они похитили из немецкой полевой почты, девочка спрятала на дно нищенской сумы под корками хлеба и доставила их в партизанский штаб.

Каждая воинская часть имеет свой номер полевой почты. По номерам на конвертах, которые принесла Лара, нашему командованию стало известно, что две немецкие дивизии переброшены с Карельского фронта в псковские леса...

И опять дороги, дороги, дороги... Опять шагают по дорожной пыли маленькие ноги, загрубевшие от долгой ходьбы босиком. Где-то на перепутье кончилось её детство: пионерку Лару Михеенко приняли в комсомол.

В конце лета Лару перевели в 21-ю бригаду.

В характеристике, данной командиром 21-й бригады капитаном Археменковым на разведчицу партизанского отряда № 3 Ларису Михеенко, говорится, что она участвовала в подрыве поездов на станции Железница, что за операцию по разведке и взрыву железнодорожного моста через реку Дрисса, так называемого «Савкиного моста», Лариса была представлена к правительственной награде.

Осенним днём вместе с новой подругой Валей Лара пришла в деревню Игнатово. Здесь она знала дом, где можно было отдохнуть с дороги. Сюда же зашли два вооружённых автоматами партизана — Николай и Геннадий. Хозяйка всех пригласила за стол.

— Встретим наступающий праздник. Ведь сегодня четвёртое ноября.

Парни, улыбаясь, ответили, что надеются встретить праздник вместе с Советской Армией на освобождённой от врага земле.

— Наши войска уже близко, — сказал Геннадий. — Понятно, мы, мужчины, пойдём до Берлина, а вы, девчата, вернётесь домой.

— Домой! — как эхо, повторила Лара и, смутившись, отвернулась к окну.

Ещё раньше её хотели отправить на Большую землю на самолёте, но она не соглашалась; пока самолёт не улетел, пряталась в лесу. Но теперь, когда партизаны соединяются с Советской Армией, она согласна. Сперва в Печенево за бабушкой, а потом вместе с бабушкой в Ленинград!

Она увидит маму, друзей, увидит родной, бесконечно любимый город и скажет ему: «Ленинград, я тоже тебя защищала! А сейчас я вернулась домой!»

Она снова будет учиться. Как хорошо!

Но за окном на улице мелькнули солдатские каски.

— Немцы! — крикнула девочка.

Загремели выстрелы. Во время перестрелки оба партизана были убиты. Лара из автомата стреляла по фашистам из окна. А когда кончились патроны, она попросила Валю:

— У тебя есть граната. Дай её мне.

Едва Лара успела спрятать гранату под курткой, как немцы ворвались в избу. Хозяйка пыталась спасти девочек, говорила, что это её дочки, что они не виноваты: стреляли парни, которых она пустила в дом, потому что они ей самой угрожали оружием.

Но с немцами был предатель.

— Партизанка, — сказал он, показывая на Лару.

Её повели обыскивать в другую избу. Там никого не было, кроме лежавшей на печи старухи.

«Надо бросить гранату так, чтоб не убило бабушку, а только их и меня», — подумала Лара и отошла в угол к окну.

— Ну, показывай, что у тебя в карманах! — приказал девочке немецкий офицер.

— Гляди! — размахнувшись, девочка швырнула гранату.

Но... граната не взорвалась.

Фашисты расстреляли партизанку Лару.

* * *

Сейчас на месте её расстрела, на окраине Пустошки, поставлен обелиск. А в городе на Неве в музее Обороны Ленинграда хранится орден «Отечественной войны I степени», которым Советское правительство

наградило посмертно Ларису Михеенко за мужество и отвагу. Её имя присвоено кораблю.

В Ленинграде, в Москве, на Урале, в Сибире, на Кавказе — по всей стране пылают знамёна пионерских дружин имени Лары Михеенко. Девочка с отважным сердцем будет жить в зареве пионерских знамён, в песнях, которые поют про неё ребята, в юных горячих и смелых сердцах.

Сотни ребят хотят быть похожими на Лару.

Будь таким же и ты!

15 коп.

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Надежда Августиновна Надеждина

ЛАРА МИХЕЕНКО

Художник В. Юдин

Редактор О. Лебедев. Художественный редактор О. Ведерников.
Технический редактор О. Кистерская. Корректор Н. Шадрина.
Сдано в набор 29.09.78. Подписано в печать 27.03.81 60×90/8. Бум. офс. № 1. Гарн. «Джил-санс». Печать офсет. Усл. печ. л. 2,0. Уч.-изд. л 1,93. Тираж 150 000 экз. Изд. № 872. Заказ № 424. Цена 15 коп. ТУ 29 01 3-72 По оригиналам издательства «Малыш». Москва. К-55. Бутырский вал, 68. Министерство легкой промышленности РСФСР Российское промышленное объединение по производству игрушек «Роспромигрушка» Московский комбинат игрушек Москва, 125130, ул. Клары Цеткин, дом 28.

Н $\frac{70802-160}{М\ 102\ (03)-81}$ без объявл

© илл. Издательство «Малыш» 1982